

Музыка... У наших бабушек и дедушек это слово прежде всего связывалось с концертом, музыкальным вечером, народным праздником. А сейчас? Музыка — это радиоприемник и телевизор, магнитофон и проигрыватель — дома, на улице, в такси, автобусе, заводском цехе, а иногда даже в лесу... В прошлом музыка была привязана к месту и времени, а сейчас стала независимой; бурно развивающаяся техника сделала ее всеобщей и вездесущей.

Как в этих условиях сохранить в лице музыки мудрого учителя, доброго друга и помощника? Об этом наш сегодняшний разговор со старшим научным сотрудником Всесоюзного НИИ технической эстетики, музыковедом А. Б. Переверзевым.

Леонид ПЕРЕВЕРЗЕВ:

«МУЗЫКА ВОКРУГ И ВНУТРИ НАС...»

— Технические средства несут всевозрастающий поток музыки. В чем преимущества и недостатки положения сегодняшнего слушателя?

— Вплоть до начала 20-х годов нашего столетия каждая встреча с музыкой была редким, неповторимым и потому высокоценным событием. Меломаны «доэлектронной эпохи» порой годами ждали встречи с любимым певцом, инструменталистом, дирижером. Акт исполнения музыки сохранял отблеск открытия, ритуала, был важным событием личной и общественной жизни. Но постепенно все это стала заменять вещь — пластмассовый диск, кассета с пленкой, радиоприемник, телевизор, — и таинственный отблеск исчез. Музыка, отчужденная техникой звукозаписи от живого исполнения, превратилась в один из самых доступных предметов массового производства и потребления.

Преимущество, казалось бы, очевидное: широчайшие массы получили возможность приобщиться к мировой музыкальной культуре. Но, оказалось, подмена живого исполнителя своеобразными «музыкальными консервами» грозит утратой чего-то очень существенного.

Ведь музыка — это не просто чередование упорядоченных звуков голоса или инструментов. Слушатель, по-настоящему чувствующий и понимающий музыку, как бы вместе с композитором и исполнителем мучается и радуется, соглашается в спор, постоянно открывает для себя что-то новое. На концерте такой слушатель стремится вступить в своего рода мысленный диалог, а настоящие музыканты всегда чувствуют настроение аудитории и откликаются на него. Радость взаимопонимания протягивает сотни незримых нитей и между слушателями, создавая неповторимую атмосферу единения и коллективного соучастия в творчестве.

Когда же человек знакомится

с музыкой наедине с магнитофоном или проигрывателем, он лишен всех этих переживаний. Конечно, нельзя сказать, что в одиночку невозможно творчески слушать музыку. Однако это намного сложнее: нужно обладать развитым музыкальным чутьем и хорошим воображением, чтобы вести внутренний диалог с самим собой, то есть быть одновременно и слушателем, и как бы соисполнителем. Но это вряд ли возможно, если человек ни разу не был участником реального эстетического диалога на концерте.

Для неподготовленного слушателя средства массовой коммуникации нередко превращают музыку в бессодержательную игру созвучий или психофизиологических раздражителей. К тому же музыка сегодня звучит повсюду и зачастую даже против нашего желания. И становится уже не музыкой, а фоновым шумом, заметно притупляющим наш музыкальный слух. В итоге внимание наше отзывается теперь лишь на чрезвычайно большую громкость и резкий ритм — остальное мы просто игнорируем. Иногда громкость превышает и все допустимые физиологические пределы, приводя уже не к музыкальной, а самой обычной глухоте. Поэтому многие рок-музыканты, выступающие с особым мощной аппаратурой, вынуждены специально защищать свои уши. Недавно в одном английском музыкальном журнале была забавная карикатура: один гитарист в наушниках спрашивает другого: «В каком мы городе?», а второй: «Какую песню мы играем?»

В общем, сейчас музыка легко достижима, но сделать так, чтобы музыка звучала не просто вокруг, а внутри нас, порой оказывается делом совсем не легким.

— Сейчас музыка часто используется в чисто прикладных целях — помогает отвлекаться, скоротать время перед киносеансом или в перерыве футболь-

ного матча. Можно ли в связи с этим говорить о том, что у музыки появились новые функции?

— Нет, ничего принципиально нового не появилось. Я бы сказал, что в наше время возрождается «функциональный» подход к музыке. Ведь и раньше пели во время работы, рожком созывали коров, даже железом ковали под аккомпанемент трубочей. Потом наступил период «чистого» музыкального искусства, а сейчас оно снова приобретает свое былое «прикладное» значение. Современная техника возвращает «фольклорное» отношение к музыке как к помощнику в повседневных делах: бодрая музыка утренняя передает помогает быстрее проснуться и настроиться на активный лад, современные аналоги «вечерней» музыки и колыбельных песен — успокоить дневное возбуждение и заснуть (на Западе, например, выпускают специальные усыпляющие пластинки).

С помощью музыки учащиеся быстрее овладевают машинописью. Ведь быстрое письмо — это прежде всего письмо ритмичное. Поэтому на занятиях звучит ритмичная музыка, и все под нее печатают, причем постепенно ее темп убыстряется. В специальных кабинетах релаксации, которые уже существуют на ряде предприятий (в частности, на вильнюсском ПО вычислительной техники «Сигма»), светомузыка, то есть звук в сочетании с ритмическим светом и цветом, помогает людям расслабиться, снять стресс. В экспериментах С. М. Зорина и В. А. Петрова была показана возможность лечения с помощью светомузыки функциональных нервных расстройств.

Но пользуются функциональной музыкой часто неразборчиво и неумело. В итоге желанный результат не достигается — вместо расслабления приходит еще большее утомление,

вместо бодрости — эмоциональный спад.

Да, музыка — огромная сила. Она может звать человека к подвигу, вселять уверенность и силу, пробуждать нежность, сострадание. Но чем сильнее лекарство, тем строже должна быть дозировка, а также умеренность и своевременность его применения. В этом смысле, народные традиции, музыкальный фольклор могут многому научить современных любителей музыки.

— Леонид Борисович, в конце 60-х — начале 70-х годов у нас много говорили о широких перспективах внедрения функциональной музыки на производстве с целью облегчения и повышения эффективности монотонного, механического труда. Сейчас же разговоры об этом поутихли. Чем это вызвано?

— Изыскания за рубежом и у нас показали, что трансляция бодрой музыки в цехе в период спада трудоспособности помогает поднять последнюю. В 60-х годах главный экономист НИИ труда А. А. Перротте проводил такие опыты в рамках НОТ на 2-м Московском часовом заводе. После семи месяцев применения функциональной музыки он провел анкетирование и выяснил, что с музыкой работоспособность стала выше у 59 процентов опрошенных, а физическая усталость «уменьшилась» у 67 процентов. Я не случайно беру слово «уменьшилась» в кавычки. Ведь усталость не исчезает, если ее преодолевают с помощью какого-либо физиологического стимулятора (а именно в этой роли выступает в данном случае музыка). Просто происходит использование резервных сил человека, что впоследствии приводит к еще большему утомлению. Естественные требования организма нельзя игнорировать, тем более переламывать с помощью музыки, к ним нужно максимально приспособлять условия работы. Современное производство предъявляет и без того повышенные требования к физиологии и психике человека. Согласно рекомендациям специалистов по физиологии труда, скорость движения конвейерной ленты целесообразно изменять в соответствии с кривой работоспособности. Почему же нарушать столь важный принцип в случае с функциональной музыкой?

Странники «спрямления кривой» упирают на тот факт, что рабочим приятней трудиться под музыку, что они привыкают к этому. Но ведь и курить привыкают, а курение вредно. Получается, что курение вредно, а курение вредно.

А вот если приспособлять музыку к изменениям в самочувствии работающих, трудиться будет еще приятнее, и снижение утомляемости будет реальное, а не иллюзорное. В условиях социалистического производства использование музыки лишь в качестве физиологического стимулятора — неприемлемо. Наша цель — не только увеличивать производительность, но и способствовать сохранению здо-

ровья людей, повышать их работоспособность, привлекательность и осмысленность труда. Интересные опыты в этом направлении проводились И. А. Гольдваргом на Пермском телефонном заводе.

В 60-х годах у нас действительно говорили о функциональной музыке слишком восторженно. Но практика показала, что конкретные методики, разработанные на одном предприятии, бесполезны или даже вредны на другом. А единой теории, способной служить универсальным ориентиром для дальнейших экспериментов, пока, к сожалению, нет. Вся беда современной функциональной музыки в том, что она прикладывается к производственному процессу извне (ведь изначально она создавалась совсем для других целей) и не корректируется обратной связью, т. е. индивидуальными пожеланиями каждого работника. В идеале система функциональной музыки должна быть не механическим, а кибернетическим устройством, которое не подчиняет трудовой процесс своему ритму, а приспосабливается к естественным изменениям темпа работы, чутко реагирует на перемены в эмоциональном и физическом состоянии трудящихся.

— А как реально может выглядеть более или менее совершенная кибернетическая система функциональной музыки?

— Многим это, наверное, покажется парадоксальным, но наиболее совершенной системой функциональной музыки на современном производстве была бы система, состоящая из группы работающих и музыканта (например, вокалиста, аккомпанирующего себе на гитаре или выступающего в сопровождении небольшого инструментального ансамбля), в репертуар которого входят рабочие песни, созданные специально для данного рода деятельности и данного предприятия. Причем такие произведения не должны быть чем-то застывшим: музыкант, идущий вдоль сборочной линии, своей песней как бы вступает в разговор с работающими, обращаясь к ним с той или иной репликой в зависимости от ситуации. Можно транслировать выступления такого музыканта и из студии, но тогда необходим звукоинженер, который постоянно наблюдает за работниками и через селектор подает разные части музыкальных песен на индивидуальный звукоизлучатель.

Существуют, впрочем, и другие проекты упорядочения звуковой среды.

Конечно, не следует и излишне увлекаться. На некоторых видах производства целесообразнее заменить человека автоматами, чем создавать сложные системы функциональной музыки. Но там, где человек останется, звуковая и зримая среда производства должна быть гармоничной, помогать человеку, делать труд осмысленным, радостным и приятным. Создание такой среды — реальная перспектива завтрашнего дня, над которой нужно думать уже сегодня.

Вел беседу
А. ХВОСТОВ.

ЭКОНОМИКА И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

11 АПР 1981